

И.В.Черказьянова

*Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН*

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ХРОНИКИ СЕМЬИ БЕХТГОЛЬД

Зроблена спроба дослідження історії селянської родини на прикладі вихідців з колонії Біловеж Маріупольського округу з кінця XVIII ст. до наших днів.

Историческое исследование семьи имеет уже сложившиеся традиции. Наибольшее развитие оно получило на Западе в последние два-три десятилетия. В западноевропейской историографии давно утвердилось мнение, что историческая демография помогла истории стать подлинно социальной¹. Это не случайно. Семья является тем малоподвижным базисом общества, на примере которого можно проследить преемственность и постоянство в периоды политических переворотов и общественных сдвигов. Важным моментом является изучение социокультурных стереотипов, семейной идеологии, а также межнациональных влияний на микроуровне. Изучение отдельно взятой семьи дает богатый материал для истории повседневности.

История семьи Бехтгольд насчитывает уже третье столетие, отчет идет с момента появления первых немецких поселенцев в России. За это время место ее проживания менялось и продолжает изменяться: это Россия, Украина, Казахстан, Германия. За сменой географии проживания стоят важнейшие этапы жизни не только отдельной семьи, но и политические, социальные изменения в судьбах многих российских немцев. Типичность этой семьи и ее истории придает настоящему исследованию актуальность для воссоздания общих процессов жизни российских немцев.

Этапы семейной истории совпадают в целом с историей немецкого населения страны. Первый период – время относительно стабильного развития на местах первичного поселения на юге России, в колонии Беловеж современной Запорожской области. Он продолжался от поселения в Российской империи до Великой Отечественной войны. Начало второму этапу положила депортация немцев на восток страны, что повлекло за собой резкое изменение географической и социокультурной среды обитания, изменение общественно-политического статуса немецкого народа.

В годы войны семья Бехтгольд была разрознена, большая ее часть оказалась в Казахстане, в Караганде. Третий период начинается с конца 1980-х гг., он связан с возвращением немцев на историческую родину. К настоящему времени подавляющая часть представителей семьи уже выехала в Германию.

Воссоздать семейную генеалогию сложно из-за того, что в семье практически не сохранились документы о предках. Особенных документов, похоже, никогда и не было, за исключением свидетельств о рождении и смерти членов семьи, полученных при советской власти. Первоначальной канвой для реконструкции послужили воспоминания старейшей на сегодняшний день представительницы рода Марии Христиановны Бехтгольд (далее: М.Х.), в замужестве Янцен, проживающей в Караганде. Она родилась 21 июня 1926 г. в селе Беловеж Листвянского сельсовета Куйбышевского района Мариупольского округа. Название села М.Х. произносит как «Белогвеж» (это один из вариантов названия поселения, который встречается и в архивных документах). Записи бесед с ней и письма с воспоминаниями относятся к 1995–2003 гг. Кроме этого, для реконструкции были использованы архивные документы и исследовательская литература. С помощью коллег-архивистов Д.Ю.Мешкова (Днепропетровск) и А.С.Тедеева (Запорожье) удалось кое-что восстановить по материалам имперских ревизий первой половины XIX в. Исходя из характера источников реконструкции, генеалогические построения делятся на две части. Предполагаемая часть выстроена по архивным материалам, достоверная (с 1870 г.) основана на устных сведениях Марии Христиановны. Недостаток сведений не позволяет с полной уверенностью объединить обе части, поэтому приходится говорить о предположениях в отношении первоначальной истории семьи. Поиски в архивах велись вокруг фамилии Бехтгольд и колонии Беловеж, где предки М.Х. безвыездно жили многие десятилетия, от создания поселка до депортации семьи в 1941 г.

Лютеранская колония Белые Вежи (Беловеж, Белогвеж) Мариупольского колонистского округа Екатеринославской губернии была заселена переселенцами из одноименной колонии в Черниговской губернии, которая была основана в 1767 г. в основном выходцами из Гессена на землях, принадлежавших генералу-фельдмаршалу П.А.Румянцеву-Задунайскому². Это были первые немецкие колонии в Малороссии. Уже в начале XIX в. в черниговских поселениях стал ощущаться земельный голод, но разрешение на переселение в Новороссию колонисты получили только в 1831 г. В 1831–1832 гг. 78 лютеранских и 46 католических семей переселились в Мариупольский округ, здесь они назвали поселки теми же именами, что и на прежнем месте жительства³. Дочерняя колония Беловеж

входила в церковный лютеранский округ Грунау. По итогам 10-й ревизии 1858 г. в колонии проживал 301 мужчина, из них 87 (27 семей) имели землю, 224 человека были безземельными⁴. В 1918 г. в поселке насчитывалось 360 жителей⁵.

По данным И.Р.Плеве известно, что среди первых колонистов, приехавших в Россию и поселившихся под Черниговом, был Конрад Бехтгольд (Konrad Bechthold), реформат, хлебопашец. 10 августа 1766 г. он прибыл из Изенбурга в Ораниенбаум. Его номер по документу 4924. С ним были жена Анна Катарина и дети: Конрад (11 лет), Филипп (8), Сузанна Мария (20), Мария Магдалена (6)⁶. Нас интересуют отец и сын Конрады, как возможные основатели интересующей нас династии. У Карла Штумппа есть указание, что среди поселенцев Беловежской (черниговской) колонии на 1809 г. были Бехтгольд В[ильгельм?] и Бехтгольд Конрад. Последний прибыл из Изенбурга через сборный лагерь для желающих выехать в Россию в Гельнхаузене⁷. Можно считать, что Конрад Бехтгольд, прибывший в 1766 г. и проживавший под Черниговом в 1809 г., один и тот же человек.

Среди семей, переселившихся из-под Чернигова в Новороссию, были и представители семьи Бехтгольд. По крайней мере, эта фамилия фигурирует в документах нового поселения. В 1858 г. в дочерней колонии Беловеж под фамилией Бехтгольд значились: Вильгельм Вильгельмович, 45 лет, его жена Катарина Антоновна, 45 лет. Братья Вильгельма – Конрад (37 лет), Георг (32), Генрих (30), Людвиг (26). Все были женаты и, кроме Генриха, имели детей. Кроме того, раньше здесь проживал дядя Вильгельма – Христиан Конрадович (1784–1852), имевший от двух браков пять детей⁸. Христиан Конрадович мог быть потомком старшего Конрада и сыном младшего Конрада Бехтгольда. К моменту его рождения (1784 г.) его предполагаемому отцу Конраду-младшему было 29 лет. Один из сыновей Христиана Иоганн (1811 г.р.) имел от первого брака трех сыновей, среднего звали Карл (1840 г.р.). Возможно, именно этот Карл, сын Иоганна Христиановича, и был тем звеном, которое связывает все предшествующие построения с теми сведениями, которые сохранились в устной традиции этой семьи, поскольку следующий представитель семьи именовался Карлом Карловичем (1870 г.р.).

Итак, логические построения позволяют предполагать, что род Марии Христиановны восходит к Христиану Конрадовичу, а через него – к Конраду Конрадовичу и к первопоселенцу Конраду Бехтгольду. По мужской линии в роду (до 1941 г.) чаще всего встречаются имена: Конрад (5 раз), Христиан (4), Карл, Вильгельм и Генрих (все – по 3). Отца и брата Марии звали Христианами, а ее деда и другого брата – Карлами. Тради-

ционный набор имен может быть вспомогательным аргументом в пользу приведенных умозаключений о родстве поименованных Бехтгольдов.

Дед Марии Христиановны Карл Карлович (1870–1927) был столяр-краснодеревщиком, работал на заказ, по воспоминаниям, мастерству учился за границей. Где именно учился и как это происходило, точно не известно, но в семье хорошо об этом помнили. Наличие в колонии большого числа безземельных крестьян, что уже отмечалось, заставляло жителей осваивать какое-нибудь ремесло. Карл Карлович был одним из этих ремесленников. Своими руками он построил мельницу в селе, которую продал в советское время в артель за 800 руб. Последние 15 лет жизни он был парализован, умер от тифа. Был женат на Масс Шарлотте Христиановне (1873–1951), значительно пережившей мужа и скончавшейся в Караганде на спецпоселении. Супруги имели 9 детей: одного сына (Христиана) и восьмерых дочерей.

Отец М.Х. Христиан Карлович (1899–1958) был женат на Марии Людвиговне Шмидт (1898–1955). Шмидты тоже жили в Беловеже и считались состоятельной семьей. По рассказам М.Х., у Шмидтов было «крепкое хозяйство»: 12 коров, 25 лошадей, «мотор (паровик)», 4 вейлки, молотилка, плуги. За точность цифр ручаться сложно, ведь М.Х. об этом могла знать только по рассказам собственной матери, но важно отметить, что семья считалась зажиточной, поэтому их дважды раскулачивали. У Христиана и Марии родилось восемь детей, двое скончались в младенчестве: Лиза (около 1920), Иван (1921), Лиза (1924), Мария (1926), Христиан (1927–1927), Карл (1929), Фрида (1931), Лида (1936). Почти три года Христиан Карлович был председателем колхоза, участвовал в раскулачивании, но с поста председателя был снят за то, что помогал раскулаченным получать нужные документы. После этого он два года работал кладовщиком, перед войной был комбайнером, а зимой работал на мельнице, построенной его же отцом. Жена Мария Людвиговна работала по дому и в колхозе на огородах. Старшие дети помогали ей. По воспоминаниям М.Х., ей, ребенку, приходилось носить до сотни ведер воды для полива капусты. Родители Христиана жили с его семьей под одной крышей.

Дети Христиана и Марии были крещены в лютеранстве. М.Х. рассказывает, что в 1920-е гг. детей крестили в немецкой церкви, расположенной на станции Розовка. К сожалению, М.Х. не знает, где и как крестили ее саму. А вот ее младших сестер и брата крестили уже в собственном доме, из молитвенного дома «приходил пастор».

Дом, в котором выросла Мария, она помнит отчетливо. Построил его еще ее бабушка, Карл Карлович Бехтгольд, все братья и сестры Марии родились в нем. Это был одноэтажный дом, сложенный из самана, покрытый щепой, а позже соломой. По длинной оси он расположен вдоль

улицы. В нем были кладовка, коридор и три комнаты: спальня, где ночевали родители и дети, зал, в нем стояли три деревянных дивана, стол и бабушкина кровать, и «рабочая комната». Центральной была «рабочая комната», где семья обедала, здесь же была лежанка у печи. В теплом коридоре была плита со встроенным котлом для горячей воды, печь для хлеба, которая другими сторонами обогревала зал и «рабочую комнату», а духовку использовали для приготовления пищи, например, варили фасоль. Из спальни дверь вела к выходу на чердак, через эту клетушку попадали и в кладовую, где хранилась посуда.

Вход в дом был со двора, с противоположной от улицы стороны. Окна закрывались ставнями. С лицевой стороны перед домом был палисадник, здесь росли вишни, цветы (тюльпаны, многолетники). Вместо забора была живая изгородь из белой и желтой акации. Въезд во двор был обсажен шиповником. В саду росли вишня, абрикосы, груши, яблоны, крыжовник. Было три дерева, названия которых Мария не знает, «очень высокие, типа тополя», которые позже были проданы для строительства.

На хозяйственном дворе стояла летняя кухня, в ней имелись плита и встроенная коптильня. В хлеву держали 4 лошадей, 5 коров, 5 баранов, свиней и кур. Со слов М.Х., скотный двор был покрыт «кафелем», вероятно, какой-либо керамической плиткой. С противоположной стороны двора, напротив кухни был построен подвал. За скотным двором раскинулся огород «около 1 гектара», позже его урезал колхоз. Дом охраняла большая собака. Дети запрягали ее зимой в санки и возили мешки с зерном на мельницу. Особую заботу о ней проявлял старший сын Иван, который требовал от сестер оставлять на косточках хоть какие-нибудь крошки мяса для собаки.

М.Х. окончила первый класс в своем селе, а со второго по четвертый училась в соседнем селе Шейнбаум. Школа располагалась в бывшем молитвенном доме. Здание было большое, сложенное из самана. Детей обучалось мало, в классах было по 3-4 ученика. Учитель Блом жил в квартире при школе. Обучение велось по немецким и украинским учебникам. М.Х. в настоящее время умеет читать по-немецки на латинском и готическом шрифтах. Ее мать Мария Людвиговна умела говорить по-русски. Когда в село приезжали покупатели, то она с ними общалась напрямую. Маленькой Марии было очень любопытно, как мать научилась так говорить, но выучить хотя бы отдельные предложения в ту пору еще не могла. Русский язык выучила уже в годы войны, когда их выслали в Казахстан. Грамотно писать по-русски не научилась, хотя пишет письма на русском языке.

Семейных праздников не было. Дни рождения не помнили и не отмечали. Про день рождения матери Марии Людвиговны говорили: родилась, «когда ломали кукурузу». Свой день рождения М.Х. впервые отмечала уже в 1950 г. в Казахстане, после рождения первого ребенка. Яркие воспоминания Марии связаны с такими праздниками, как Рождество, Пасха, Троица.

Рождество и Новый год. За день до Рождества вечером к детям приходил Кристинд (Kristkind). Это всегда была ряженая женщина, одетая в белые одежды, повязанные у шеи. На голове белая ткань, лицо выкрашено белой краской. Кристинд дарил печенье ребенку, если он расскажет молитву или религиозный стишок. Эти стихи дети Бехтгольд разучивали с бабушкой Шарлоттой Христиановной. Мария помнит, например, такой: «Kristkind, ich bin klein, ich bete fein alle Tage gehorsam sein». Или другой, приуроченный к Новому году:

«Als das Neujahr ist gekommen,
hab ich mir was vorgenommen,
euch zu wünschen in der Zeit.
So viel Glück und Seelichkeit,
als die Tropfen in den Regen
wolt das Gott allmählich geben,
wolt euch führen und regieren
wie ein kleine Tobiat».

Дети готовили к празднику нарядное дерево. Вишневое дерево обматывали зеленой бумагой, украшали печеньем, бантиками из бумаги. Деревце стояло до Нового года, его убрали вскоре после праздника. Украшения снимала бабушка и раздавала внукам. Родная тетка М.Х. ставила вишню в песок с осени, поливала ее, и к празднику дерево зеленело. Отец Христиан привозил детям подарки со станции Розовка, это были испеченные «сапожки», украшенные глазурью. Такие пряники продавали только перед Рождеством. «Сахарные» домики в семье не пекли, об этом Мария узнала лишь в замужестве от своей свекрови-меннонитки. Рождественской ночью молодежь ходила с поздравлениями. Парни стреляли под окнами по три раза, им выносили угощение, выпивку. Старшие жители села накануне Рождества ходили в молитвенный дом, а позже, когда его закрыли, собирались у кого-нибудь на дому.

В праздники по селу ходил Бельзникель (Belznickel, Pelznickel), парень, одетый в шубу и шапку, вывернутые наизнанку. Ходил с сахаром. Парни вели Никеля к девушкам в цепях, стучали в дверь и входили толпой. Выбирали девушек постарше, тех, с кем парни дружили. Никель заставлял их шутливо молиться, стихи рассказывать. Послушным давал колотый сахар, непослушных стегал ремешком, ставил на колени.

Пасха. Подготовка к празднику включала обязательное крашение яиц. Ярких красок не было, красили травой и луком. Дети делали «гнезда» из травы и фиалок. Для этого заранее в тарелке, в которой будет «гнездо», сеяли рожь, овес или ячмень. Пшеницу не использовали, она хуже растет. Зерна замачивали, ставили в тепло и поливали, после этого проросшие зерна клали в землю. Тарелку с готовым «гнездом» ставили в укромное место в доме либо в саду, где-нибудь под крыжовником. Яйца в подарок (2–3 штуки) «приносил Заяц».

К своему устному рассказу М.Х. сделала дополнение в письме от 1 апреля 2001 г. (стиль изложения сохранен, исправлены самые большие грамматические ошибки). «Скоро Пасха. Я помню, когда дома была, в совхозах даже краски не было, а яйца хотелось, а краски не было. Лук взяли и красили, это были оранжевые, зеленые с травы, красные кирпич красный, а орех шкурки это были коричневые. Но вот и праздник. Масло мама сбивала. С белым хлебом и кофе. На обед окорок свиной в печке, в тесто завернули и пекся, и всякое печенье, компот вишневый. Весь праздник бегали по полю, цветы собирали, было очень интересно. Взрослые в церкву ездили, она от нас 7 км, станция Розовка, там евреи жили, это я помню. А дядька у нас жил 3 км от нас, он всегда овечку резал на праздник. Это все жарилось, а потом вишней заправляли, очень вкусно».

О майском празднике Мария Христиановна знает только со слов своей бабушки. Та рассказывала, что в этот день шли в поле, ходили вокруг него с молитвой об урожае. Кроме молитв, считали старики, «помогали» и некоторые практические действия. Так, например, бабушка объясняла, что нужно делать, чтобы группа плодоносила: «Надо ее пристыдить, надеть на нее какое-нибудь старье, башмак или валенок».

Троица. В этот день жгли прошлогодние кочаны и стебли кукурузы. Каждый нес охапку побольше, чтобы костер горел дольше. Для костра заранее выкапывали ямку. Вокруг него пели песни, водили хоровод, играли в «третий лишний». Таких костров одновременно было несколько. К молодежи присоединялись и взрослые. Веселилась молодежь, а старшие тихо беседовали. К празднику выпекали «жаворонков» из жидкого теста. Ложкой лили тесто в кипящий жир, оно растекалось и напоминало птицу.

Война началась на следующий день после дня рождения Марии, ей исполнилось 15 лет. Вместе с другими жителями села до конца лета она была на строительстве окопов под Мелитополем, близ станции Федоровка. Копали противотанковые траншеи шириной 7 м и глубиной 3 м. Несколько раз попадали под бомбежку. С наступлением осени отца и старшего брата Ивана «забрали», как потом выяснилось, на принудительные работы. Приближающийся фронт ускорил работы по эвакуации колхозного имущества. Сельская молодежь, в том числе старшая сестра Марии

Елизавета, должна была сопровождать колхозные стада, которые отгоняли в сторону Кавказа. Сестрам больше не суждено было встретиться – след Елизаветы обнаружился в 1963 г. в Бразилии, через 8 лет после ее смерти. Там жила ее семья. Сестру искали через Красный Крест. Тогда выяснилось, что Лиза попала под оккупацию, потом выехала или увезена в Германию, там вышла замуж и в 1953 г. с мужем и тремя детьми эмигрировала в Южную Америку.

5 октября 1941 г. жителей Беловежи выслали в Казахстан. На момент депортации Мария осталась в семье старшей из детей. На ее попечении были мать, парализованная бабушка и трое малолетних братьев и сестер. При выселении они почти ничего не смогли взять, так как приходилось нести бабушку на носилках. Людей погрузили в товарные вагоны, примерно по десять семей в каждом. «Семьи» состояли из женщин, у каждой по 5–7 детей и стариков. Вместе с Марией Людвиговной Бехтгольд в вагоне были соседи: Эмилия Зайбель с семьей детьми, из которых пятеро были приемными, Маргарита Гольденбайн с тремя детьми. В вагонах не было ни скамеек, ни лежанок, каждый располагался на собственных узлах. В первом и последнем вагонах эшелона ехала военная охрана. Куда их везли, никто не знал. На вагон давали в день ведро супа, ведро второго блюда и две буханки хлеба. Умерших хоронили прямо у дороги, иногда просто закапывая в снег.

В ноябре прибыли в Казахстан. Эшелон остановился в голой степи, никакого жилья поблизости не было. За прибывшими приезжали казахи на саях. Семья Бехтгольд попала в казахский колхоз «Жанабек» под Каркаралинском. На четыре семьи выделили одну комнату. До августа 1942 г. М.Х. оставалась в колхозе. Все взрослые и старшие дети были заняты на сельхозработках. В августе М.Х. была мобилизована на шахты Караганды, была на подземных работах. Мать и младшие дети оставались в колхозе. Здесь немного выучили казахский язык, особенно преуспела в этом самая младшая девочка Лида, которая пошла в казахскую школу.

Период работы в шахте, пребывания в «зоне» (с марта 1943 г.) оставили тяжелые воспоминания: ее покалечило в забое, дважды болела тифом, недоедание, кража и потеря продуктовых карточек. Как тяжелый кошмар вспоминаются построения колонны перед выходом на работу и после подъема из шахты, когда стояли полураздетые, в резиновой обуви на холоде. В 1945 г. «зону» закрыли. В 1948 г. всех женщин вывели из шахт на поверхностные работы. После этого Мария долгие годы оставалась домохозяйкой. На учете в комендатуре стояли до середины 1950-х гг.

Замуж вышла без свадебных торжеств за Янцена Василия Васильевича, «сошлись» на Первое мая 1948 г. Он тоже работал на шахте, был из меннонитов. При рождении был назван Вильгельмом, а затем стал Васи-

лием, официально по паспорту. Будущая свекровь была против такого брака, это накладывало отпечаток на отношение к снохе-лютеранке. Первый ребенок скончался в 1949 г., не дожив до года. Остальных четверых детей вырастили и воспитали, двое получили высшее образование. Детей не крестили, потому что у родителей «разные верь» были, да никто и не настаивал на этом. Зато свою младшую внучку в 1980-е гг. Мария Христиановна крестила по лютеранскому обряду.

Русский язык М.Х. выучила в период работы в шахте, в процессе общения. Вспоминает смешной эпизод, как она не могла объяснить в магазине, что ей нужна спираль для утюга, называла ее «бусами для утюга». Дома с мужем говорили по-немецки, главным образом, между собой, но дети знали обиходный немецкий. На русском языке настаивал супруг, который пережил ребенком ссылку на Урал, а затем был депортирован в Целиноградскую область, и это сдерживало его «быть немцем».

В 1951 г. в Караганде скончалась бабушка М.Х. Шарлотта, а в 1955 г. – мать М.Х. Старший брат Иван вернулся из лагерей уже после смерти их матери, поселился в Актюбинске. Отец Христиан вернулся раньше Ивана, тяжело болел, умер в 1958 г. Старшие Бехтгольды похоронены на кладбище, которое находится на 2-м руднике. Оно образовалось вокруг действующей православной церквушки. И хотя оно давно закрыто, люди продолжают хоронить к своим родственникам. Соседствуют захоронения русских, казахов, немцев, на небольшом участке покоятся военнопленные Второй мировой войны. Близ кладбища в бывшем здании, раньше принадлежавшем «зоне», размещалась начальная школа, где учились все дети округа.

До 1967 г. семья Марии Христиановны жила в полуземлянке на окраине города вблизи шахты им.Горбачева. Улица Динамитная (когда-то здесь был склад динамита) была заселена почти одними немцами, но жили и представители других национальностей. Много немцев жило и на соседней улице им.8 Марта. Соседями были немцы: Бенгарт, Вагнер, Грасс, Дирксен, Квириг, Кельм, Классен, Мирау, Унрау, Фаст, Фафенрот, Фотлер, Фризен, Шмидт; татары: Абылхасовы, Абдрахмановы, Галимовы, Мусины, Уразаевы, Самигулины; русские и украинцы: Давыдовы, Гринины, Лебедевы, Коноваленко, Пархоменко, Дьяченко. Никто не враждовал из-за того, что они разной национальности, наоборот, дружили, а если и ругались соседи, то из-за спорных хозяйственных вопросов. Так, например, М.Х. на долгие годы сохранила дружбу с татарскими семьями Абылхасовых и Мусиных.

Дом был выстроен из саманных кирпичей, это была «землянка», частью уходящая в землю. Стены укрепляли дранкой и мазали глиной, снаружи регулярно белили. Крыша была плоской, засыпалась золой. Летом

на ней прорастала трава, и детей заставляли ее дергать. Без дела по крыше запрещалось ходить и тем более играть на ней. Некоторые окна были расположены вровень с землей, а сам дом по высоте снаружи был чуть выше взрослого человека. Помещения отапливались углем, который покупали на шахте или женщины собирали в шахтных отвалах, «на породе». В 1950-е гг. держали поросят и кур, но потом хозяйство не вели. За животными ухаживала хозяйка. Бани своей не было, купались в корыте на кухне, иногда ходили в шахтную душевую, когда там дежурили знакомые женщины и могли пропустить.

Во дворе всегда было много детворы, летом сюда приходили играть дети со всей улицы. Глава семьи построил для дочерей домик из досок, с окнами и дверью, со временем выстроил новый, больше прежнего. В нем девочки играли с подругами в куклы. Во дворе была песочница, стояли качели. На них можно было качаться втроем. Стена сарая, выходящая на улицу, всегда служила «коном» во время игры в прятки, отсюда же начинались маршруты «казаков-разбойников». Двор регулярно убирали, летом мели и брызгали водой, зимой откапывали занесенные окна и расчищали от снега только дорожки, которые были выложены кирпичом. Летнее подметание мусора было заботой девочек, уборкой снега занимался муж с подростком сыном. М.Х. приучила детей, включая сына, к посильному рукоделию: сами штопали чулки и носки, пришивали пуговицы. Девочки выучились вышивать разными стежками, шить на машинке. Детей, пока они были маленькими, М.Х. обшивала сама, даже пальто сыну спиала. Шила и вышивала незамысловатые вещи для украшения дома: занавески, настенные коврики, газетницу, накидки на подушки. Все это было вышито модной «гладью».

Еда была традиционной, в кухне были немецкие и украинские блюда: соседствовали суп-лапша и борщ, из теста готовились штрудли и галушки. Основными продуктами были картофель, изделия из теста, а зимой еще и соленые овощи и даже иногда соленые арбузы. М.Х. пекла не только на праздники, но и «впрок». Это были сдобные булочки, рибелькухен, ролькухен, песочное печенье. Одно время выпекала в духовке и хлеб. Пасхальные куличи пекла всегда. За советами по выпечке обращалась к соседке, бабушке Фризен, которая считалась непревзойденной мастерицей на улице. На праздник всегда был компот. Любимым вареньем М.Х. остается вишневое, связанное, видимо, с детскими воспоминаниями об украинской вишне.

После того, как старые шахтные выработки стали обрушиваться (шла «посадка»), земля под улицей просела, образовались глубокие трещины. Жить в домах стало опасно. В последнюю зиму перед переселением в новую квартиру потолки от обрушения спасали специальными металли-

чекскими распорками, взятыми на шахте. Зимой 1968 г. семья переехала в трехкомнатную квартиру в панельном доме в одном из новых микрорайонов города.

В 1970 г. Мария Христиановна впервые после войны побывала в родных местах. С мужем они поехали к родственникам в Новомосковск Днепропетровской области, а затем на их машине побывали в Беловежи. От старого села остался только колодец, никаких следов старого дома или сада не осталось. Все погибло в войну. Это было страшное разочарование. В 1972 г. Мария Христиановна овдовела.

В 1990-е гг. две сестры и младший брат Марии выехали в Германию со своим многочисленным потомством, уехал и сын Марии Василий с детьми. Два сына Карла, носители фамилии Бехтгольд, еще проживают в Казахстане. Сама Мария Христиановна живет с двумя дочерьми, получает пенсию. В 1995 г. ездила в Германию в гости к сыну, но жить там не хочет.

История семьи началась выездом из Германии и заканчивается там же. За долгие годы, прожитые в России, Украине, Казахстане, семья испытала на себе все большие потрясения, коснувшиеся немцев и всей страны. В этой истории как в капле воды отразилась история нашего общества, хотя признать это не всегда просто.

Примечания

¹ *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). – М., 1997. – С.3.

² Подробнее об этом см.: *Плеве И.Р.* Первые поселенцы Беловежских колоний // История и культура российских немцев. – Саратов, 1996. – Вып.3. – Ч.1. – С.8–29.

³ *Брандес Д., Плеве И.* Беловежские колонии // Немцы России: энциклопедия. – М., 1999. – Т.1: А–И. – С.155.

⁴ *Клаус А.* Наши колонии. – С.Пб., 1869. – Приложение 2. – С.33.

⁵ *Stumpp K.* Verzeichnis der deutschen Siedlungen im Gebiet Saporoshje // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. – 1957. – S.233.

⁶ *Плеве И.Р.* Первые поселенцы Беловежских колоний. – С.14.

⁷ *Stumpp K.* Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862 / Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. – 5. Auflage, 1991. – S.93.

⁸ *Государственный архив Запорожской области.* – Ф.12, оп.2, д.283, л.145–146.

Надійшла до редколегії 23.11.03